

НАША СТРАНА

Год издания 68-й. Буэнос Айрес, 19 марта 2016

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 19 de marzo de 2016 No. 3033

Антон Васильев

СТРАНА СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ

*Дня не проводит Мазай без охоты.
Жилбыонславно, не зналбызаботы,
Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять.*

**Н.А. Некрасов,
«Дедушка Мазай и зайцы»**

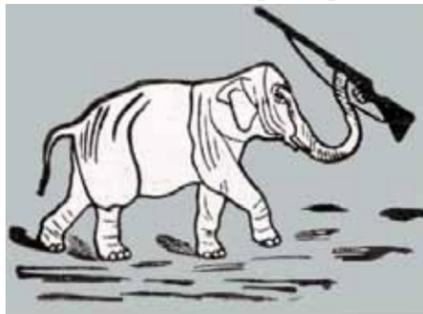
Когда-то учился в школе, обычной, московской, общеобразовательной.

Разумеется, на уроках истории учили нас, что царская Россия держала своих крестьян в крепостном рабстве и не имели они, несчастные, никаких прав.

А на уроках литературы мы проходили, в частности, Некрасова, который вспоминал, как охотился со старым Мазаем. У Мазая было собственное ружьё. И не только у него – Мазай вспоминал про коллегу-охотника Кузю и ещё про одного, гревшего перед стрельбой руки над горшком с угольями. Все эти люди, по определению, были крепостными, по-советски – рабами.

А на других уроках, по истории древнего мира, я проходил, что рабам полагалось быть без-оружными. Римляне, в частности, говорили: «Сколько рабов – столько врагов». Людям, не имевшим прав, не полагалось иметь и оружия. Почему же у Мазая, Кузи и прочих деревенских промысловиков угнетатели-помещики не отбирали ружей?

Непонимание росло, а вместе с ним – и желание разобраться.

боемъ, курковна и безкурковна, Национальной Бельгийской фабрики.

Прейсь-курантъ высылается по первому требованію бесплатно.

Читать я научился в раннем детстве, читал запоем, наполняя квартиру книгами, и то там, то тут собирал сведения о действительном положении народа в царской России, «оплоте самодержавия и тирании». Свободолюбивая русская литература оказалась прямо-таки кладезем информации.

Тургеневский Калиныч каждый день ходил на охоту с дворянином Полутыкиным, и ничего плохого не случалось. Лесничий Бирюк, человек также подневольный, стоил любого техасского шерифа...

Если бы Россия была «рабской», крестьяне бы не смотрели на ружьё, как на рядовую вещь.

В русской литературе простые мужики сплошь и рядом владели оружием (вспомним хотя бы пасечника Костю Звонька, охотившегося в чеховской «Степи»), и это почему-то совсем не удивляло советских читателей. Из вольных сибирских чалдонах из «Угрюм-реки» Шишкова и говорить не приходится.

В эпоху правления, скажем,

императора Николая I, ограничения для простого народа на владение огнестрельным оружием были попросту смешными. Так, 23 марта 1839 года был высочайше утверждён «Сельский полицейский устав для государственных крестьян», который запрещал постоянно носить при себе оружие (исключение делалось для ловли диких зверей и охоты), а также стрелять в селениях, в домах, во дворах, на улицах и площадях.

Четырьмя годами ранее, 21 января 1835 года, было высочайше утверждено положение Сибирского Комитета «О запрещении ссыльно-каторжным иметь огнестрельное оружие», причём всякое. Подумать только, какая драконовская мера!

Однако, если мы откроем доверенную Большую Советскую Энциклопедию, статью о ссылке на Колыму, то прочтём: «В 80-х гг. XIX в. в колымской ссылке находилась группа участников народовольческого движения: М. Поляков, Богораз (Тан) и др. (Ссылные Колымы были известны пофамильно...) «Насколько невыносимы были условия колымской ссылки и произвол царской администрации, можно судить по числу самоубийств среди политических ссыльных: в 1889-м году застрелился Гуковский, в 1900-м – Калашников, в 1904-м – Камай» (То есть враги престола и отечест-

3. прошлые факты неосторожно-го или злонамеренного пользования оружием, констатированные судом или иным способом, указали на целесообразность отобрания оружия у данных лиц».

Можно с уверенностью сказать, что в Государстве Русском, затем Российском, право на оружие являлось неотъемлемым правом каждого законопослушного и пси-

Обращаю ваше внимание: ограничения вводились лишь на приобретение нарезных и магазинных ружей, таких, как «Франкотт», «Винчестер» или «Бердан», по своим качествам приближавшихся к боевым винтовкам. Чтобы таковые приобрести, нужно было обратиться к губернатору.

Стабильным заработком для оружейных мастеров второй половины

ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ И ЛУЧШЕЕ ДЛЯ ОХОТЫ ВЫ НАЙДЕТЕ
 в Оружейном Т/д. Я. ЗИМИНА вдова и С. НИКИФОРОВЪ,
 складъ Москва, Тверская, д. № 15, близъ Газетнаго пер
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ РУЖЕЙ, РЕВОЛЬВЕРОВЪ И
ОХОТНИЧЬИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
 по доступнымъ цѣнамъ.
НА ПОКУПКУ ОХОТНИЧЬИХЪ РУЖЕЙ РАЗРЪШ. СВИДѢТ. НЕ ТРЕБУЕТСЯ.
 Требуите преись-курантъ. Есть новости.

хически здорового гражданина; оно, естественно, подвергалось некоторым временным и местным ограничениям. С течением времени это право претерпевало изменения, отвечая потребностям эпохи. Но Российское Государство в этом отношении не было к своим подданным суровее, чем, скажем, западные государства.

29 мая 1903 года вышло постановление императора Николая II «О продаже и хранении огнестрельного оружия, а также взрывчатых веществ и об устройстве стрельбищ». В нём говорилось:

1. Воспрещается хранение нарезных скорострельных (магазинных и т. п.) ружей, а также патронов к ним без особого на то свидетельства губернатора.

2. Лица, торгующие оружием и припасами..., обязаны вести особые книги, в которые вносятся все имеющиеся у них на складе или в магазине оружие..., отмечать, какие товары, когда и кому проданы; книги эти выдаются бесплатно губернским правлением с надлежащими прошнуровкою, скрепою и печатями.

3. Из числа огнестрельного оружия и припасов нарезные скорострельные (магазинные) ружья и патроны к ним... могут быть продаваемы только лицам, предоставившим именное свидетельство от губернатора на покупку сих товаров».

Торговый Домъ Я. Зими́на вдова и С. Никифоро́въ, Москва, Тверская.

7-мизарядный боевой револьверъ Бельгийскаго образца, фабрики НАГАНА (L. Nagant à Liège).

Рис. № 420.

Цѣна 25 руб.

7-мизарядный, безрикопозитивный револьверъ облегченнаго образца соединяетъ въ себѣ всѣ качества, которыя желательны въ хорошемъ ручномъ оружьи: громадную силу и вѣрность боя, абсолютную прочность, практичность устройства (при разборкѣ всего механизма отпишнываются только одинъ патронъ) и минимальный вѣсъ.

Дальность боя достигнута спариваніемъ новаго малозамкнутаго пороха и уничтоженіемъ прорыва газамъ въ щель между барабаномъ и клинчатымъ стволемъ (при под-

ва в местах лишения свободы имели огнестрельное оружие!)

Вот что писал на рубеже XIX-XX веков о праве рядовых граждан на приобретение, хранение и использование гражданских видов оружия в «Очерке науки полицейского права» профессор Императорского Московского университета И. Т. Тарасов: «Невзирая на несомненную опасность от неосторожного, неумелого и злоумышленного пользования оружием, запрещение иметь оружие никоим образом не может быть общим правилом, а лишь исключением, имеющим место тогда, когда:

1. волнения, возмущения или восстания дают основательный повод опасаться, что оружием воспользуются для опасных преступных целей;

2. особое положение или состояние тех лиц, например, малолетних и несовершеннолетних, сумасшедших, враждебных или враждующих племен и т. п., которые дают повод к такому опасению;

ных иностранных систем оружия: «Смит энд Вессон», «Лефшо»... Правда, в конце концов Сигаев купил сеть на перепелов... Но факт остаётся фактом: в произведениях Чехова, Горького, Куприна все постоянно стреляли из револьверов, причём не только мужчины, но и дамы; отсюда вывод - большая часть представителей среднего класса имела оружие.

Крестьяне револьверы и пистолеты не покупали по одной лишь причине: считали несерьёзной барской забавой. Дореволюционные каталоги оружейных магазинов предлагали широкий ассортимент «ружей Бердана» в самом разнообразном исполнении, адресуя их именно небогатым охотникам, промысловикам, а так же служащим лесной стражи, сторожам и пр. Надо отметить, что казнозарядная «берданка» хорошей отделки в среднем стоила 8 рублей.

В столыпинскую реформу крестьяне, выходящие на хутора или отруба, бесплатно получали на каждую душу мужского пола по берданке с патронами. Чем не свободный Дикий Запад?!

В конце XIX-начале XX века только в Москве было 3 оптовых и свыше 20 розничных оружейных магазинов. Оружием для «генетических рабов» торговали Мюр и Мерилиз, торговый дом Тарнопольских на Большой Лубянке, Товарищество на паях «Охотничий Вестник» в здании отеля «Метрополь», магазин вдовы Зиминой на Тверской, магазин Биткова – опять же на Большой Лубянке. Большинство магазинов были поставщиками Общества Любителей Охоты имени И. С. Тургенева и Императорского Общества Правильной Охоты.

...В любой русской газете тех времён можно было прочесть объявления типа: «Продаётся дом, при нём каменный флигель в 9 комнат, цена – 4500 руб., доходность до 500 руб. в год. На Пушкинской ул., №18, спросить столяра Корнеева, который арендует всё до мая месяца». Ай да угнетённый пролетариат!

А рядом непременно была реклама револьверов, пистолетов, охотничьих ружей. В начале XX столетия чемпион продаж был «браунинг» №1. Он стоил 35-40 рублей, имел 7 мощных патронов, пробивавших несколько сосновых досок, и умещался в кармане. Что ещё было надо для безопасной поездки на рынок??? Можно было приобрести пистолет и рублей за 5, но качество было трудно гарантировать. Рыночные торговцы до революции были вооружены. Неудивительно, что понятие «рэкет» в те времена вообще отсутствовало...

Бытовали даже чисто оружейные анекдоты. Ещё до визита самого Самюэля Кольта в Россию и встречи его с императором Николаем Первым, у царя уже был револьвер Кольта. Но сделанный не на хартфордском, а на Тульском оружейном заводе. Проще говоря, к тому времени револьвер наши «левши» не только спёрли, но и запустили своё производство.

Туляки делали русских людей равными не хуже Кольта...

Я сознательно взял лишь Россию до 1905 года: позже, по вине революционного террора, правила владения оружием были ужесточены.

А при замшелом самодержавии – сами видите... Хорошенькое генетическое рабство получается, господа либералы?

Антон Васильев

ОБРАЩЕНИЕ К АРХИЕРЕЯМ РПЦЗ МП “СТАРЦА” РАФАИЛА

На сайте Интернет-Собор появилось открытое письмо популярнейшего патриархального “старца” иеросхимонаха Рафаила (Берестова).

Помимо личности автора этого обращения, держащего на груди портрет вл. Лавра будто икону на крестном ходе, надо признать, что само оно написано правдиво, силь-но и убедительно. Каждый мог бы подписаться под таким обращением, разве только, что наивно взывать именно к присоединившимся к Московской Патриархии зарубежным архиереям.

Нам скажут, что и мы время от времени обращаемся к бывшим Зарубежникам в надежде пошевелить их совесть, но мы имеем ввиду паству, рядовое духовенство, а не архиереев, которые все без исключения ныне с прожжённой совестью. Совершенно бесполезно и тщетно надеяться на их возврат к старому православному зарубежному стоянию. Лучшее тому доказательство, что четверо из них, и после Шамбезийского предательства, и после единодушного патриархального Собора, и после встречи с Папой на Кубе, сейчас сопутствуют “святейшему Кириллу” по Южной Америке, сослужат с ним, обмениваются подарками и с сыновней благодарностью из его рук принимают в дар памятные панагии.

Да и всем должно быть известно, и в первую очередь “старцу Рафаилу”, что стоит пискнуть, чтобы тут же моментально вылететь из системы, до того все гайки прочно закручены.

Не надо было преступно было входить в эту систему, в которой все материально связаны и теперь ни один из них — будь он доморощенный или заграничный, разницы нет — не пойдёт на такие верные лишения.

Обратного пути нет. Однажды, кто-то сказал, что очень легко выдавить пасту из тюбика зубной пасты, но затолкать её обратно — другое дело...

А если не ошибаемся, сам “старец Рафаил” (Берестов) состоит в Московской Патриархии, в которой спокойно себе пишет пламенные прокламации для других, а сам, не задумываясь, как ни в чём не бывало поминает Кирилла Гундяева. Ниже приводим текст его обращения.

Протоиакон Герман Иванов-Тринадцатый

Здравствуйте многоуважаемые, дорогие Архипастыри Русской Православной Церкви Заграницей, присоединившиеся к Московской Патриархии. К вам обращается с любовью и надеждой маленький убогий старик, иеросхимонах Рафаил (Берестов). До соединения с Московской Патриархией вы были энергичные, жизнерадостные, ревностные Архипастыри. Ещё в 1938 году на Архиерейском Соборе вы предупредили и запретили чадам Русской Православной Церкви Заграницей участвовать в экуменическом движении: «Православные Христиане должны сознавать Святую Вселенскую Православную Церковь единой и единственной истинной Церковью Христовой. Поэтому Православная Русская Зарубежная Церковь воспрещает своим чадам участие в экуменическом движении, стоящем на принципе равенства всех христианских религий и исповеданий». (Резолюция от 16/29 августа 1938 г.)

В 1983 году вы на Архиерейском Соборе Зарубежной Церкви анафематствовали экуменизм как ересь:

«Нападающим на Церковь Христову и учащим, яко она разделена на ветви, яже разнятся своим учением и жизнью, и утверждающим, яко Церковь видимо не существует, но от ветвей и расколов, инославия и иноверия соединится имать во едино тело; и тем, иже не различают истинного священства и таинств Церкви от еретических, но учат, яко крещение и евхаристия еретиков довлеет для спасения; и тем, иже имут общение с сими еретики, или пособствуют им, или защищают их новую ересь экуменизма, мняще ю братскую любовь и единение разрозненных христиан быти: Анафема».

Вы ревностно оберегали и защищали свою Православную паству. Я думал, вы будете требовать от Московской Патриархии, чтобы Русская Православная Церковь вышла из «всемирного совета церквей», и только тогда бы воссоединиться.

Об этом я и просил в письме вашего первоиерарха митрополита Лавра. Вам дали ложные обещания, которым вы поверили, и вы воссоединились, не дождавшись прекращения экуменической деятельности Московской Патриархии и членства во «всемирном совете церквей».

Я думал, ну хорошо, в нашу Церковь волеются ревностные Архипастыри из Русской Зарубежной Церкви, и они будут влиять на наших Архиереев. Но что я вижу?! Молчат предательски наши Архипастыри! И вы молчите тоже?!

Но ведь молчанием предаётся Бог! И что же мы видим на предсоборных совещаниях в Шамбези (10-17 октября 2015 г. и 21-27 января 2016 г.)?

Патриархи и выборные Архиереи, вместе с патриархом Кириллом (Гундяевым) подписали экуменические документы, в которых, к примеру, прописана откровенная ересь: «Непрестанно молясь «о соединении всех», Православная Церковь всегда развивала диалог с отделенными от нее, ближними и дальними, первенствовала в поиске путей и способов восстановления единства верующих во Христа, принимала участие в экуменическом движении с момента его появления, и вносила свой вклад в его формирование и дальнейшее развитие» (см. «Отношение Православной Церкви к остальному христианскому миру»)

Вернувшись в Россию, на радостях патриарх собрал внеочередной Архиерейский Собор и на нём подписали все экуменические документы, узаконив ересь ересей – экуменизм.

Это трагедия, Архипастыри! Где же ревностные зарубежные Архипастыри Русской Православной Церкви?

Это же измена Православию! Я к вам взываю, ревностные некогда Архипастыри Русского Православного Зарубежья. Покайтесь в оцепенении, в страхе иудейском, исправьтесь и возревнуйте о Церкви Христовой!

Все мы – монахи, православные священники и миряне, молим Бога, чтобы Господь Иисус Христос воздвиг борцов за Православие.

Вы – Архипастыри, носите на себе Апостольскую благодать, будьте Апостолами, а не князьями! А все мы – Православные Христиане, будем в лоне Святой Православной Церкви, которую врата ада всё равно не одолеют (ср. Мф. 16:18) и будем верны Господу нашему Иисусу Христу!

Прошу у Вас благословения и молитв.

грешный иеросхимонах Рафаил (Берестов)

29 января/11 февраля 2016 г.

Красный помпадур

Четвёртого февраля исполнилось 145 лет со дня рождения первого советского маршала товарища Ворошилова, бывшего живой легендой для всех поколений советских людей. Созданный эпос его образа не нуждается в комментариях. Хочется только отметить, что его именем были названы города и пароходы, танки и самолеты, о нем слагали песни и снимали фильмы.

Пройдя свои “университеты” в ссылках, этапах и перевалках, луганский слесарь после 1917-го года, как на крыльях взлетел до поста председателя Президиума Верховного Совета.

Однако, как и у многих, его карьера началась с уничтожения и насилия собственного народа на Юге страны. Так, любопытные картины «равенства и братства», проповедуемого большевиками рисовала советская газета «Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета»: «За последнее время через Царевский уезд Астраханской губернии, проезжает много комиссаров и других должностных лиц. Все они снабжены мандатами, дающие им широчайшие полномочия».

Этот, так называемый проезд, газета белогвардейцев «Сибирские стрелки» за № 128 описала в несколько других эшелонах: «Всякий такой проезд сопровождается необыкновенной велеречивостью. Обилие роскошных карет, бесчисленное количество адъютантов, богатейшее обмундирование свиты и самих комиссаров подвергала в шок местное трудовое население. Грубые повелительные окрики с угрозами «кровно расправиться с саботажниками», вплоть до приставления дул револьверов, выражалась в плохо приготовленных им обедах или в предоставлении, в течение полминуты, мало голландского сыра. По требованию проезжающих комиссаров, снабженных трехсаженными мандатами, реквизируемые у местных жителей тулупы давались беспрекословно, по первому требованию. Плохо при этом приходилось тому, кто выдавал такой тулуп, который не лез на их енотовую шубу, был коротким или не совсем прикрывал ножки спутницы комиссара – сестры. Особой пышность и творимыми безобразиями отличался проезд по Царевскому уезду бывшего командира 10-й армии тов. Ворошилова. Он проскакал в шикарной, на резиновых шинах карете, запряженной шестеркой вороных лошадей. За ним следовало десять карет с многочисленной свитой. Сзади тянулся длинный хвост, числом не менее 50-ти подвод, с множеством тяжеловесных чемоданов и сундуков. На многих подводах виднелись бочонки, туши мяса и других продуктов. Характерно отметить одну черту проезда – швырянье направо и налево деньгами и редко встречающимися в нашем проезде продуктами».

Умер Климент Ефремович в 1969 году. Перезив трех Императоров и четырех генсех, красный помпадур нашёл свой последний приют в узком окошке кремлёвской стены, вместе с подельниками.

С. Простнев

НОВАЯ КНИГА БОРИСА ШИРЯЕВА

ОТ РЕДАКЦИИ:

Прошло полтора года с тех пор как в Санкт-Петербурге известное научное издательство «Алетейя» выпустило в свет книгу старинного сотрудника «Нашей Страны» Бориса Николаевича Ширяева «Италия без Колизея», и редакторы-составители Михаил Талалай, живущий в Италии, и Андрей Власенко, живущий в США, представили сборник читателям «Нашей Страны» (См. «НС», 17 мая 2014, № 2988). Тогда они рассказали, что работают над новой книгой Ширяева, в которую планировалось собрать его литературоведческие очерки. И вот этот сборник готов и вышел в свет, также в издательстве «Алетейя», для которого это уже третья книга Бориса Ширяева (первая была «Ди-Пи в Италии» в 2007 году).

Большинство очерков, вошедших в новый сборник «Бриллианты и булыжники», были опубликованы в «НС», и мы с радостью предоставляем слово составителям сборника.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Писатель и журналист Борис Николаевич Ширяев (1889-1959) становится в последние годы всё более известным читающей публике в России. Первым россияне прочли его свидетельство о ГУЛАГе — автобиографический роман «Неугасимая лампада» (Нью-Йорк, 1954). Эта прекрасная книга выдержала многочисленные переиздания. Самым значимым из них стала публикация возрожденного Соловецкого монастыря, на землях которого советской властью был создан Соловецкий Лагерь Особого Назначения, куда, среди многих других, попал и будущий автор книги.

Кратко определить основные вехи жизни и деятельности Ширяева можно следующим образом: уроженец Москвы, выпускник историко-филологического факультета Московского Университета, доброволец на Первой мировой и Гражданской, каторжанин на Соловках, ссыльный в Воронежской области, журналист в Средней Азии, преподаватель литературы в Ставрополе, редактор нескольких газет на оккупированном немцами Юге России, а также в Казачьем Стане на Севере Италии, эмигрант, известный писатель и журналист, публиковавшийся во многих ведущих журналах и газетах русского зарубежья.

Казалось бы, в Россию теперь должен был хлынуть поток неизвестных литературных произведений плодовитого и талантливого писателя. Этого, однако, не произошло: читателю-россиянину по сути дела еще предстоит открыть творчество Ширяева.

Пока в российское издательство находят свой путь крупные сочинения писателя, мы решили — при поддержке того же издательства «Алетейя» — издать еще один сборник статей Ширяева, разбросанных по многочисленной эмигрантской периодике и никогда прежде не публиковавшихся в России. Из различных направлений его журналистической деятельности нами было выбрано, пожалуй, основное, и на наш взгляд наиболее актуальное для современного российского читателя — о русской литературе.

Проба литературоведческого пера Ширяева произошла в Соловецком лагере, а оттачивалось оно уже в ссылке в России и затем в эмиграции. Значительный филологический опыт он приобрел во второй половине 30-х гг. во время преподавания русской литературы в школах и педагогических институтах в Ставрополе и Черкесске.

О той поре сохранилось уникальное свидетельство ученика Ширяева (См. Лапко Е. «Встречи с Борисом Ширяевым», «Наша Страна», 21 мая 1994, № 2285):

«Он любил вспоминать свое детство и юность, жизнь в родной Москве, университет, отца-профессора и его библиотеку, особенно — годы учебы и странствий за границей. Реже говорил об ужасах Первой Мировой войны, участником которой был и совсем скуп о тяжелых годах после революции, о личной трагедии, о страшных Соловках, о неусыпном внимании к себе и постоянной опеке советской власти. Но как рассказывал — живо, ярко, увлекательно! Такими же интересными были и его уроки. Планов он не признавал. Никогда их не писал. В класс приходил с томиком Пушкина или Лермонтова. Сам очень любил стихи и прививал эту любовь нам, школьникам. Больше говорил, чем спрашивал. Слушали его, раскрыв рты, позабыв обо всем на свете, самые хулиганистые ученики».

Вне сомнения, уже тогда у него сформировался свой взгляд на классику, отличный от общепринятых направлений советской школы, и который ему в полной мере удалось выразить в эмиграции и даже еще ранее — в итальянском Казачьем Стане, весной 1945 года, где он также преподавал литературу. Об этом рассказывает сам Ширяев в «Дневнике капитана Петрова» (Цит. по: Ширяев Б. Н. Италия без Колизея. Санкт-Петербург, 2014, с. 42), представляя себя в третьем лице: «Руслитературу, вернее выборки из нее читает ротмистр Ш-в. Этот кроет сплеча: всё, чему нас в десятилетке учили, вверх дном летит. Молчалин у него — тип положительный, работник, скромный строитель России, а Чацкий — болтун, бездельник; Герцен — саботажник русского прогресса, Некрасов — шваль, а Горький — бесталаный писатель... Однако, подумаешь, пожалуй, — верно... А Шолохова нашего любит и считает, что «Тихий Дон» — обвинительный акт большевизму».

Следующий важный этап Ширяева как филолога и литературоведа — работа в 1946 г. над книгой «Панорама современной русской литературы» (Alimov A. Panorama della letteratura russa contemporanea. Milano-Venezia: Francesco Montuoro, 1946), подготовленной по заказу венецианского издателя на итальянском языке. Книга, опубликованная под его наиболее часто используемым псевдонимом того времени «Алексей Алымов», получила признание в университетских кругах Италии, в том числе, и как учебное пособие для студентов-славистов. При издании книги ее автору при-

лось идти вопреки тогдашнему благодушному отношению итальянской интеллигенции к советской действительности. Ширяев так вспоминает о своем первом литературоведческом труде (Цит. по: Ширяев Б. Н. Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол. Буэнос-Айрес: Наша Страна, 1952. С. 47-48):

«— Не могли бы вы, профессор, сказать это мягче, немножко сгладить ваши примечания? — Это говорит издатель Монтворо. Перед ним — листы перевода. Его глаза еще более мягки и грустны, чем обыкновенно. <...> — Смотрите, какое впечатление создает ваши биографические сведения: Гумилёв расстрелян, Клюев погиб в концлагере, Есенин повесился, Маяковский застрелился...

— Ну, и что же?

— Такую книгу не будут покупать! И самое название главы «Гибель поэтов»?... Разве это возможно?

— Все факты верны, дотторе. Не могу же я заставить расстрелянного Гумилёва второй раз умирать от тифа или холеры?

— Но это же ужас!

— Вполне с вами согласен.

— Я не коммунист, профессор, я демократ. Но я хочу объективности.

— Я вам даю только точную запись фактов. Где же здесь субъективная их оценка?

— Но нам не поверят!.. Вся пресса говорит о расцвете культуры на вашей родине...

— В вашем Риме, дотторе, доживает теперь свой век Вячеслав Иванов, поэт-символист, соратник и вдохновитель вот этого самого заморенного в СССР Блока, «Незнакомкой» которого вы изволите восхищаться. В Париже известный вам Ремизов, Бунин, недавно там умер Мережковский. Декоративную часть вашей знаменитейшей миланской «Скала» ведет Бенуа, сын крупнейшего русского художника, а отец его — тоже в Париже. Я назову вам еще десятки имен первоклассных русских писателей, художников, музыкантов... Как вы думаете, по какой причине они сидят здесь, ютятся в мансардах и питаются жареными каштанами, а не возвращаются на свою родину, где так хорошо живется артистам?

— Да... но... — глаза Монтворо совсем тускнеют. Вот-вот из них брызнут слезы. — Но всё это очень странно...

Некоторые положения своей итальянской книги «Панорама современной русской литературы» — о поэтах-символистах, о Гумилеве, Есенине, Шолохове, Горьком, — автор позднее развивал в своих очерках.

Очерки эти во множестве стали появляться в эмигрантской периодике («Наша Страна», «Часовой», «Возрождение», «Русская Мысль»,

«Знамя России», «Грани» и др.) с конца 1940-х годов. Они — как это, несомненно, заметит читатель — выражают весьма цельное мировоззрение автора, который на правил свой художественный талант и энциклопедические знания на выявление всего светлого, жизнеутверждающего и созидательного у русских писателей и на критику всего растлевающего, болезненного и разрушительного. Это мировоззрение естественным образом связано с политическими убеждениями Ширяева и, в первую очередь, с приверженностью к идеям «народной мо-нархии», основоположником которых был соратник и коллега Ширяева по литературному цеху, основатель газеты «Наша Страна» Иван Лукьянович Солоневич. Именно эта ясная линия подсказала нам дать общее название сборнику, по одной из статей, — «Бриллианты и булыжники».

Ширяев-критик был также необыкновенно внимателен к современной ему советской литературе (которую, подчеркивая ее подневольный характер, называл, как и многие в русской эмиграции, «подсоветской») и, особенно, к творчеству «второй волны», с которой был связан единой судьбой — но при этом, будучи там «старшим» и более близким к «волне первой». Эти писатели, до сих пор малоизвестные в России, представлены в нашей книге в кратком биобиблиографическом словаре.

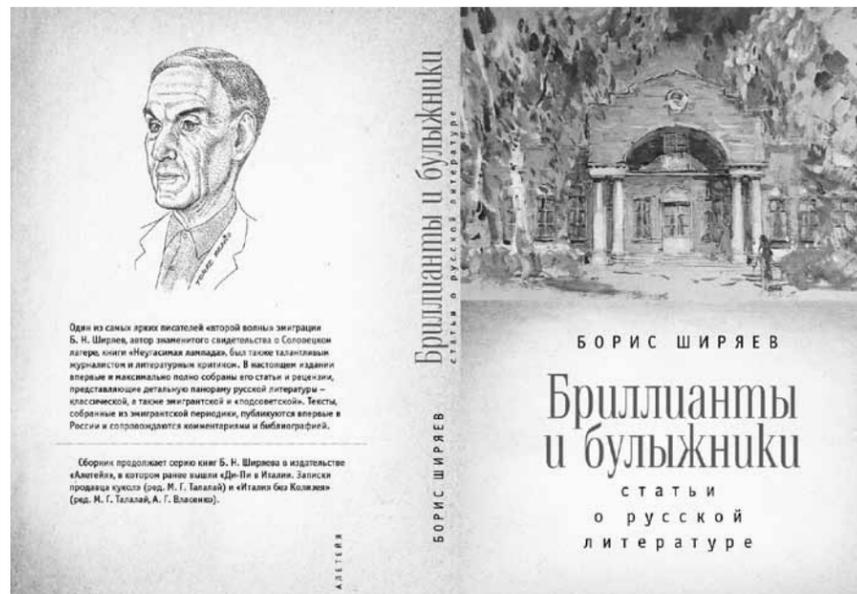
Замечательно, что вышла уже четвертая книга Бориса Ширяева, но это лишь часть многообразного наследия талантливого писателя и журналиста. Конечно же, необходимо переиздать и повести Ширяева, опубликованные в основном в эмигрантских журналах, но которые он мечтал издать отдельно, объединив их в хронико-цикл «Птань» (по имени реки в Тульской области, рядом с селениями, где происходят основные события), а также многочисленные исторические очерки, большая часть которых осталась лишь в газетных и журнальных публикациях русской эмиграции. Надеемся, что и эти произведения вскоре станут доступными для поклонников творчества писателя на его родине.

Ведь книги Бориса Ширяева востребованы и быстро исчезают с прилавков. И если некоторые из многочисленных переизданий «Неугасимой лампады», еще доступны, то «Ди-Пи в Италии» найти уже практически невозможно, да и первое издание сборника «Италия без Колизея», которое мы представляли в прошлый раз, уже полностью разошлось. Отрадно, что в настоящее время та же «Алетейя» принялась за подготовку нового, расширенного издания, которое станет в полтора раза толще — за счет вновь обнаруженных очерков Ширяева, рассеянных в самых разных и труднодоступных газетах и журналах.

В заключение мы хотели бы выразить нашу огромную благодарность всем, кто помог нам в работе над сборником, в особенности Н. Л. Казанцеву, В. М. Акимову, А. В. Мартынову, М. А. Кублицкой, а также библиотекам при доме Союза Чинов Русского Корпуса, скаутской субботней школе Организации Российских Юных Разведчиков и храме Святой Троицы в Буэнос-Айресе (Аргентина).

Андрей Власенко (Сент-Луис, США)

Михаил Талалай (Милан, Италия)

ИЗ ПАПКИ РЕДАКТОРА

1967. В этом году наше молодёжное «Общество Русский Сокол» в Аргентине (его мы воссоздали как базу для будущей борьбы за освобождения России и восстановления монархии) стало выпускать – под редакцией моего сверстника Андрея Сербина – журнал «Помни Россию». Правда, в самом названии журнала была ошибка: «помнить» Россию мы никак не могли, ибо все родились за границей; правильно было бы «Помни о России».

После выхода первого номера журнала, я сразу послал его проживавшему в Австралии постоянному сотруднику «Нашей Страны», первопоходнику, художнику и бывшему редактору крупной рижской антикоммунистической газеты «За родину» (1942-1944) А. Г. Стенрос-Макриди. В приложенном письме я искренне восторгался статьями Анатолия Григорьевича. 24 ноября 1967 года, из Сиднея, Макриди мне отвечал: «Спасибо за письмо, которое меня очень обрадовало своим стилем и грамотностью, не совсем обычной для русских молодых людей, родившихся за границей. Можно было бы пожелать, чтобы так писали и излагали свою мысль все Ваши сверстники в самой России.... Мне приятно, что оценили мой труд и он не оказался напрасным. Журнал я прочёл с большим интересом. Кое-что, как всегда, вызывает возражения. Например: на обложке фигурирует Солоухин и Рождественский. Солоухин, Солженицын, Глазунов – всё это НАШИ, они никогда от нас не отрекутся и нашего доверия не обманут. К тому же, они серьёзные и настоящие художники. Вознесенский и Евтушенко – двуличны, но и там, где они «за Россию» - их выступления не только одобрены, но и инспирированы руководителями и идеологами КПСС, не брезгующими никакой хитростью и в последнее время сбивающими многих с толку новым пропагандным приёмом – ловить доверчивые и неискушенные в политике души на блесну «оппозиции» своих работников, чтобы с помощью этих же работников, завоевавших какое-то доверие к себе, отравлять публику прозрачным и безвкусным ядом. Нечто подобное было сделано и с Пастернаком, с той лишь разницей, что лично Пастернак в заговоре и сговоре с коммунистами не участвовал, а сам же и сделался жертвой их расчетов и комбинаций. Подобно Пастернаку, и Светлана Сталина, повидимому, используется компартией для дезавуирования общественного мнения Запада. Что же до Вознесенского и Евтушенко, то по моему, они вашего – патриотической молодежи доверия не заслуживают и могут вас подвести.

1968. Особой прелестью в письмах Макриди было его чувство юмора, 30 января он мне писал: «Кто-то сказал, что пенсионерам делать нечего. Вы этому не верьте, как я когда-то по наивности верил. Чистейшее вранье. Правда, не все в придачу с пенсией получают огород, фруктовые деревья и парикмахерскую траву, требующую стрижки, и чуть не завивки. Правда и то, что не все пенсионеры одержимы от рождения пришибевским духом по поддержанию порядка».

Вступив в должность редактора, я искал пути чтобы всячески «подталкивать» Анатолия Григорьевича на составление его прекрасных статей для нашей газеты. В частности, я предложил, что буду высылать ему книжные новинки. Его ответ: «Если Вы можете мне пересылать книги, я с большим удовольствием готов их принимать для прочтения и конечно

буду писать отзыв. Вы пишете о готовности «доставить удовольствие». Большое спасибо. Но я готов писать короткие рецензии даже в том случае, когда прочту без удовольствия, даже с отвращением; такие книги заслуживают рецензии ничуть не мене, чем книги хорошие. Иногда, как это было до сих пор, стоит написать о книге для того, чтобы попутно разобрать интересный вопрос, возникающий при чтении. Словом, я ваше предложение принимаю с благодарностью».

Кроме юмора, письма Макриди всегда были испещрены интересными данными, комментариями. Например: «Совершенно изумительно выразил сущность легитимного начала Дюма устами Атоса у гробницы короля Генриха 4-го, когда он прощался с сыном, виконтом де Бражелон. Если сможете найдете и прочтите, не пожалеете. Я читал в переводе и воображаю, как это сверкает в подлиннике».

1969. Бывший резидент кутеповской боевой организации в Варшаве, вывезший оттуда в 1944 два поезда, переполненные русскими белыми эмигрантами, накануне вступления туда Красной Армии, то есть спасший их, публицист и общественный деятель Сергей Львович Войцеховский в письме от 24.6.1969 похвалил мою передовицу. Я был на седьмом небе: «Термоядерный погреб – выдающаяся статья, по сравнению с, увы, невысоким уровнем русской зарубежной печати. В этой статье несколько качеств: осведомленность, широкий кругозор, ясно и точно выраженная мысль. В ней отсутствует столь часто преподносимые русским читателям небылицы и эмоциональные штампы, прикрывающие неосведомленность и необразованность авторов».

1973. 20 июня 1973 года, в день

окончательного возвращения в Аргентину бывшего президента Перона, марксистские террористические организации, некоторые из которых маскировались под перонистов, устроили засаду, чтоб его убить. Но наткнулись на отпор ортодоксальных, сиречь правых перонистов, к которым примкнули многие антикоммунисты из не-перонистов. Среди них оказались и иные мои друзья детства, в том числе Сергей Рожков, - внук С. В. Павлова, донского походного атамана, убитого в бою с советскими в Новогрудках в 1944 году. Серёжин пистолет Льюгера, унаследованный от деда, всегда вызывал во мне жгучую зависть.

Вблизи от международного аэродрома Эсэйса противники вступили в бой, в силу чего самолёт Перона изменил свой курс и приземлился на военной базе пригорода Морон. В этот же день Перон призвал аргентинцев к примирению, но вскоре, став в третий раз президентом страны, объявил войну террористическим организациям.

Я рассказал о «бойне в Эсэйсе» Анатолию Григорьевичу Макриди и за одно спросил, знал ли он Павлова по семилетовскому белому отряду. 31 июля 1973 он отозвался таким письмом: «Большинство фамилий моих белогвардейских соратников я забыл. По этой причине не помню и С. В. Павлова. Семилетовских отрядов было несколько и если я не ошибаюсь, они формировались не одновременно. У каждого был номер. Какой номер был у моего отряда, я забыл. Помню только что командовал им есаул Бокков. Спасибо за справку о стычке большевиков с перонистами. Я был почти уверен в коммунистической провокации, но масоны по радио и в газетах приписывали столкновение враждебным группиров-

кам среди самих перонистов».

Сергею Рожкову я, в 12-летнем возрасте, предложил создать боевую организацию для освобождения России от коммунизма и он моментально согласился. Но после окончания гимназии Серёжа стал художником, его затянула богемная жизнь, потом он покинул Буэнос Айрес, обретаясь в аргентинских Андах, и я так и не знаю его дальнейшую судьбу.

Первому же, я предложил освободить Россию Мише Иванову, сыну настоятеля Свято-Покровского храма в Темперлее, где я с ним прислуживал. Однако он решительно отказался: «Ты предлагаешь мне стать Робин Гудом? Меня это не интересует». Миша предпочёл стать инженером.

1973. После кончины издательницы «Нашей Страны», незабвенной Татьяны Владимировны Дубровской, я обнаружил следующее её письмо С. Л. Войцеховскому: «Казанцев попросил меня уделить ему некоторое время на серьёзный разговор. Начал он с того, что главное стремление их «Общества Русский Сокол» - (кроме постепенного превращения всех соколов в народных монархистов) монархическая пропаганда среди подневольного русского народа. Должна сказать, что у этих молодых людей нет ни слишком оптимистического подхода к развёртыванию пропаганды среди советских людей (разговор идёт, главным образом, о морях в порту Буэнос Айреса), ни присущего солидаристам блефизма на этом поприще. Они, мои молодые люди, смотрят далеко вперёд и думают о той монархической пропаганде, которую они смогут проводить когда это будет реально возможно. И вот Казанцев меня спрашивает, как я думаю, могла бы дочь Владимира Кирилловича, Мария Владимировна, занять престол после своего отца? Я ответила отрицательно. Тогда он меня спрашивает, какие есть по закону последующие после Владимира Кирилловича претенденты на престол по мужской линии? Но они не очень положительные по всему их облику. Тогда он стал допытываться есть ли молодые члены Династии, которые могли бы быть призваны на престол после смерти Владимира Кирилловича. Я ответила, что кажется все женаты морганатическими браками и сыновья их, по всей вероятности, денационализированы. Тогда Казанцев говорит: «Но ведь это же трагедия для нас, монархистов!» Мы сошлись с ним на том, что Мария Владимировна никогда не может стать русской императрицей. И тут я должна была откровенно сказать, что этот вопрос настолько серьёзный и, конечно, трагичный, для нас, что лучше пока его не касаться. На что он мне ответил, со свойственным его молодости и характеру желанием докопаться до самой сути, что, значит, когда большевизм падёт, надо начинать всё с начала и повторить 1613 год. А подготавливать почву к этому уже сейчас. Вы можете легко себе представить моё положение, эту безысходность и тупик, которые окружают этот наш самый трагический момент в нашем монархическом мировоззрении. Казанцев по своей натуре не бунтарь, наоборот, он очень выдержанный и спокойный, но вот такие мысли бродят у него в голове. И возможно ещё у десятка других молодых монархистов».

Мудрый Сергей Львович Войцеховский относился к кирилловичам ещё более скептически, чем мы.

Первая половина 60-х годов. На фоне Свято-Покровского храма в буэнос-айресском пригороде Темперлей (в настоящий момент захваченного Московской Патриархией, благодаря измене нынешнего настоятеля отца Игоря Булатова), справа налево: Сергей Аркадьевич Рожков, Михаил Сергеевич Иванов и Николай Леонидович Казанцев. Крайний слева, общественный деятель Центра Русских Белых в Буэнос Айресе, Дмитрий Фишкин.

Николай Казанцев